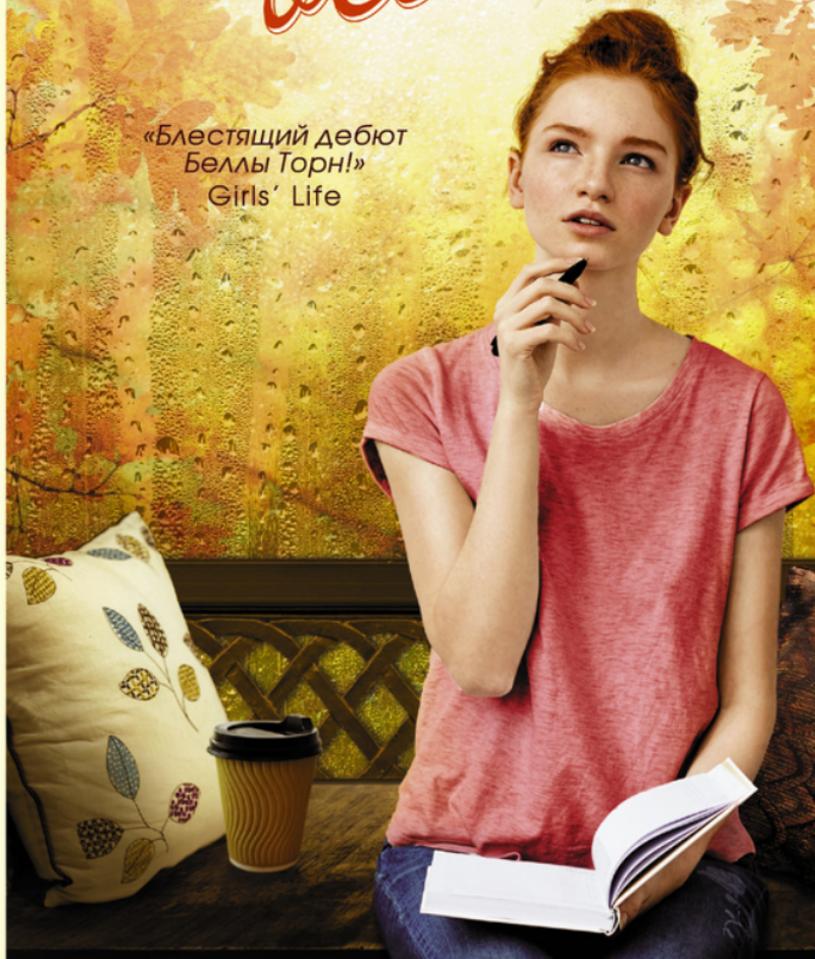

Белла Торн

ДНЕВНИК

осени

«Блестящий дебют
Беллы Торн!»
Girls' Life

Белла Торн

Дневник осени

Серия «Вместе и навсегда»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29192118
Издательство АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-104366-7

Аннотация

Обстоятельства вынуждают Отем Фоллз в середине учебного года переехать в другой город и поменять школу, и девушка совсем не рада этим переменам. В первые же дни Отем оказывается в «черном списке» местной королевы, и вскоре вся школа объявляет новенькой войну. Однако это не мешает ей найти новых друзей, которые помогут выпутаться из любых неприятностей. А еще в руки Отем попадает странный дневник, который, кажется, умеет исполнять желания... и девушке предстоит понять, чего она хочет на самом деле и какую цену готова заплатить.

Содержание

Пролог	5
1	18
2	30
3	36
4	46
5	53
6	65
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Белла Торн

Дневник осени

© М. Миронова, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Пролог

В день, когда все случилось, Дженна предупреждала меня, что он закончится катастрофой.

– Seriously, Отем, – сказала она, усаживаясь за кухонную стойку и надкусывая яблоко, – это будет трагедия!

– Спасибо за доверие! – ответила я, доставая с верхней полки шкафа стеклянную миску. – Ценю.

По правде говоря, ее слова были не так уж безумны. Во-первых, я совершенно не умела готовить. Во-вторых, я замахнулась на один из самых сложных кубинских рецептов моей бабушки Эдди – *boniatillo*¹. И, наконец, мне нужен был воистину безупречный результат, чтобы папа принял мои извинения.

Я уже месяц его не видела. У него своя фирма, и ему приходится много ездить. Его компания как-то связана с компьютерами, хотя я с трудом представляю, как именно. И не потому, что он не пытался мне объяснить, – просто объяснение включало кучу технических терминов, а я эту абракадабру не понимаю. В общих чертах, он разрабатывает для разных компаний системы защиты для хранения данных, объем и важность которых столь велики, что в случае их утери или кражи почти неминуемо наступит конец света.

¹ Boniatillo (*исп.*) – десертное блюдо кубинской кухни, представляющее собой пудинг из сладкого картофеля.

Обычно, когда он в отъезде, мы вечерами с удовольствием болтаем по телефону. Но на сей раз все наше общение сводилось к моим жалобам на то, что он испортил мне жизнь и что его никто, кроме него самого, не волнует. Отсутствовал он не по работе: он уехал во Флориду к матери, у которой случился инсульт. Он вылетел туда, как только ему сообщили об этом, и провел с ней в больнице целую неделю.

Эдди выкарабкалась, но жить самостоятельно больше не могла, поэтому отцу пришлось поместить ее в солидный дом престарелых с медицинским уходом. Казалось бы, этим все и должно было закончиться. Однако на семейном совете они с мамой решили переехать из нашего пригорода Балтимора в Авентуру, чтобы быть поближе к Эдди и присматривать за ней.

Прошу внести в протокол, что на собрании ни я, ни Эрик не присутствовали, хотя вместе мы составляем ровно половину семьи.

Я уезжать не хотела. В Стиллвотере я прожила всю свою жизнь. Все мои друзья, знакомые, все мои воспоминания были здесь. Именно в Стиллвотере я ходила в начальную и среднюю школу. Здесь я проводила выходные с друзьями. Мы ели пиццу и отправляли друг другу дурацкие фотографии в «Снэпчате»². Здесь жила моя лучшая подруга Джен-

² «Снэпчат» (англ. Snapchat) – мобильное приложение для обмена сообщениями с прикрепленными фото и видео. Для отправляемых сообщений задается лимит времени, в течение которого получатель может просматривать материал, после чего он удаляется.

на – та самая, которая была свидетельницей моего позора на физкультуре во время волейбольного матча в шестом классе и, рискнув собственной репутацией, после всего этого села со мной за один столик за обедом. Да еще и угостила меня домашним шоколадным печеньем.

Если Эдди так нуждалась в нашей помощи, почему бы *ей* не переехать *к нам*?

Конечно, на это у папы был целый список причин. Эдди не перенесла бы нашу холодную зиму; она нуждалась в привычной обстановке; стоимость жизни в Аventure ниже; родители давно подумывали о переезде на юг и так далее и тому подобное. Но все сводилось к одному: меня хотели лишить всего, что было мне дорого, прямо посреди учебного года, не дав закончить второй класс старшей школы и даже не спросив моего мнения.

Поэтому каждый раз, когда папа звонил и пытался соблазнить меня пляжами, южной едой и нашим новым прекрасным домом с бассейном, я начинала кричать, что он должен передумать. Или упрямо молчала в трубку, дабы он осознал, что разбил мне сердце и я чувствую себя преданной. «Если бы ты меня любил, – повторяла я в сотысячный раз буквально накануне, – ты бы так со мной не поступал».

– Но я и вправду люблю тебя, Отем, – говорил он. – Именно поэтому я принял решение.

– Мы не переезжаем? – с надеждой спросила я.

– Нет, мы переезжаем, но я ухожу с поста исполнительно-

го директора. Я буду консультантом, а для руководства найму кого-нибудь, кто и будет ездить в большинство командировок.

– Ты хочешь сказать, что будешь проводить время дома, с нами?

Едва проговорив это, я поняла, как нереально это прозвучало. Вся мою жизнь больше всего мне хотелось, чтобы так оно и было. Чтобы он всегда был рядом, протягивал ладонь со словами «Дай пять!», когда я получала высокую оценку за контрольную, и возил бы нас с Дженной в «Таргет»³. Смелся бы над моими шутками и готовил нам с Эриком свои знаменитые блинчики с бананом и орехами. Участвовал бы в моей жизни, вместо того чтобы быть просто сторонним наблюдателем.

– Но ты всегда говорил, что никто не сможет управлять компанией лучше тебя.

– Может, я не настолько незаменим, как привык считать, – мрачно пошутил он. – Я очень люблю вас и хочу, чтобы этот переезд стал для всех нас началом новой жизни.

И внезапно я пожалела, что принесла ему столько горьких минут. Я не чувствовала себя счастливой, но, по крайней мере, я могла перестать мучить его своими капризами. Мне захотелось встретить его дома чем-то особенным, чтобы он понял, как мне стыдно. Отсюда и *boniatillo*.

³ «Таргет» (англ. «Target») – американская сеть магазинов, продающая разнообразные товары – от еды и одежды до мебели.

– Ладно, – сказала я, обводя взглядом кухню с моими приготовлениями. – У нас три часа до того, как мы поедем встречать папу в аэропорт. У меня тут сладкий картофель, сахар, лайм, корица и яйца. Что еще нужно?

Дженна заложила за ухо прядь темных волос и сверилась со старым рецептом, накарябанным рукой моей бабушки Эдди.

– Бутылка какого-то манца. Понятия не имею, что это.

– *Manzanilla*, – произнесла я с идеальным испанским акцентом, – это такое вино.

Я открыла буфет и прошлась по частоколу пыльных бутылок. Они ответили на мое прикосновение тихим перезвоном.

– Выпьем? – спросила Дженна, поводя вверх-вниз безупречно выщипанными бровями.

Я закатила глаза. Дженна никогда в жизни не возьмет в рот ни капли алкоголя. И дело даже не в том, что нам всего пятнадцать. Она занимается бегом. Это *Дело ее жизни*. Поэтому вы никогда не увидите на ее лице никакого другого макияжа, кроме тонкой подводки для глаз и капли блеска на губах, темные волосы всегда убраны в аккуратный хвост, а из обуви у нее двадцать пар спортивных туфель. Вернее, извиняюсь, беговых кроссовок. Она не ест и не пьет – она удовлетворяет потребности тела в пище и воде. Осквернение организма алкоголем для нее столь же большой грех, как загрязнение мирового океана нефтью из-за неисправного танкера.

А что касается меня, я не пью, потому что папа убил бы меня за это.

– Нашла! – Я с головой залезла в буфет, чтобы выудить оттуда нужную бутылку. Вынырнув обратно, я увидела, что к нам спустился Эрик и всю снимает Дженну, которая корчит смешные рожицы на камеру.

– Ну ты, извращенец, прекрати немедленно, – сказала я, протискиваясь мимо него.

– А что такого? Я просто снимаю Дженну.

– Хочешь сказать, что, если я сейчас посмотрю, что ты снимал, я увижу ее лицо, а не сиськи?

Эрик посмотрел на меня удивленно.

– Ну...

– Правда, что ли? – Дженна выхватила у него из рук камеру. – Удалено, – сообщила она, уничтожив все, что он записал. А потом повернулась ко мне:

– Обойдусь как-нибудь без этих кадров.

Она-то обойдется, а вот он нет. Он на четыре года младше меня. Мы с Дженной дружим с шестого класса, и все эти годы он к ней неровно дышит. Когда-то это казалось милым. Но на пороге полового созревания его влюбленность самым уродливым образом сменилась настоящей одержимостью... Фу!

– Больше не делай этого, Липучка, – сказала Дженна, протягивая ему камеру. – Я тебе как сестра.

– Сестра, как же! – паясничал Эрик.

– Все, хватит, жертва гормонов, сними лучше это, – я подождала, пока он не направил свой объектив на меня. – Ты должен это заснять, потому что я, Отем Фоллз, собираюсь заняться готовкой.

– Ты будешь держать огнетушитель или я? – спросила Дженна Эрика, вызвав у него гораздо более неистовый и продолжительный хохот, чем шутка того заслуживала.

– Можете смеяться сколько хотите, – сказала я, не обращая на них никакого внимания. – Но сейчас на ваших глазах моя жизнь может полностью измениться. Готовка может стать моим *Делом жизни*.

Я остро нуждалась в Деле жизни. В моем доме только у меня его не было. Ну, я сходила с ума от Кайлера Лидса, но у нас с Дженной существовало твердое правило: люди не могут быть Делом жизни. А если и могут, то помешаться можно на конкретном молодом человеке, а не на рок-звезде, в которого я была безнадежно влюблена уже два года.

Меж тем у Дженны и членов моей семьи с Делом жизни все было в порядке. У мамы был ее приют для бездомных собак «Питомцы Фоллз». Эрик одержим своими съемками. У папы есть его компьютеры. Даже у моей бабушки есть Дело. Раньше, на Кубе, она изготавливала гончарные изделия. Когда папа был маленьким и семья эмигрировала в Штаты, она забросила гончарное дело, а потом, после смерти мужа пару лет назад, снова занялась этим ремеслом. Она даже помогала содержать семью, продавая свои горшки. Каждый год, ко-

гда мы с Эриком навещали ее во Флориде, она дарила нам свои горшки, и, честно говоря, мне они совсем не казались такими уж прекрасными. Во всяком случае, они совсем не выглядели как что-то, что можно продать.

Я вытерла руки о джинсы. Мало того что я была с ног до головы покрыта картофельной патокой, так еще и пальцы порезала овощечисткой.

Готовка пока не была моим Делом жизни.

– А что, эта штука должна быть похожа на пластилин? – спросил Эрик, ткнув пальцем в содержимое миски.

– В рецепте говорится, что должно получиться однородное пюре, – сказала Дженна, наморщив носик. Они с Эриком переглянулись.

– Заткнитесь! – рявкнула я и склонилась над кастрюлей, наполненной смесью сахара, воды, лайма и корицы. – И как долго мне еще мешать?

– Пока сироп не станет тягучим, – прочла Дженна.

– Он что, должен превратиться в резину? – спросил Эрик.

– Дженна, пожалуйста, убери отсюда Эрика, пока я его не убила.

– Ты же сама хотела, чтобы я все заснял для папы, – обиделся он.

Наш ленивый бассет по кличке Шмидт проснулся после крепкого сна и начал лаять, оповещая всех, что вернулась мама.

– Ммм... Чем это пахнет? – спросила она, заходя в ком-

нату и бросая свой коврик для занятий йогой рядом с огромным баулом Дженны.

Каждый раз, когда папа приезжал из длительной командировки, она приходила в такое волнение, что только по-настоящему изнурительные занятия йогой помогали ей сохранять спокойствие. Они были женаты двадцать лет, и она все еще любила его так, что была просто вне себя от радости, когда он возвращался.

– Ты что, готовишь *boniatillo*?

Эрик фыркнул:

– Типа того.

– Помощь нужна? – спросила мама.

– Справлюсь, – уверенно сказала я, сдерживая раздражение.

Она все равно подошла к плите:

– Есть небольшая проблема. – Она заглянула в кастрюлю через мое плечо, подчерпнула ложкой немного сиропа и дала ему стечь обратно.

– Ты немного перегрела его, но это ничего. Я бы разбавила его водой и постоянно помешивала, чтобы не было комочков. Получится просто фантастика.

Она поцеловала меня в макушку и поднялась по лестнице в свою комнату. Я сделала, как она сказала, но однородной масса не стала. Напротив, она напоминала застывающий цемент.

– Он подумает, что я хочу его отравить, – сказала я сквозь

стиснутые зубы.

– Все будет нормально, – Дженна попыталась меня обнадежить. Я почувствовала благодарность, которая сменилась глубокой грустью, ведь скоро моей лучшей подруги не будет рядом.

– Эй, смотри-ка, комочки растворились! – закричал Эрик. – У тебя все-таки получилось, Отем.

Случалось это нечасто, но иногда Эрик переставал строить из себя придурка. Он приблизил изображение, чтобы запечатлеть прекрасные кадры, как Дженна читает мне дальнейшие указания, а я добавляю в пудинг два взбитых желтка, еще немного помешиваю всю массу на огне, доливаю вина «Манцанилла» и перекладываю все в форму для суфле.

– Когда папа придет домой, – объявила я в камеру, старательно изображая из себя знаменитого шеф-повара, – пудинг уже охладится и будет готов к употреблению со свежими взбитыми сливками.

Дженна зааплодировала, а я поклонилась.

– Я это выложу, ладно? – спросил Эрик, на самом деле не спрашивая разрешения.

У брата был свой собственный канал на «YouTube», но папа взял с него обещание никогда ничего не выкладывать туда без разрешения.

– Плохая идея, – заметила Дженна.

Я рассмотрела свое изображение на стоп-кадре. Кусочки сладкой бататовой массы налипли мне на лицо и запутались

в длинных рыжих волосах. Добавьте к этому мои в кровь стертые овощечисткой пальцы, и станет ясно, что я напоминала зомби из фильма ужасов.

– Хорошая попытка, – сказала я. – Без шансов.

Я посмотрела на часы: мне понадобится немало времени, чтобы привести себя в человеческий вид, прежде чем мы отправимся встречать папу.

– Дженна...

– Иди собирайся. Скинь мне потом сообщение, как все прошло.

Она выбросила в мусорку огрызок яблока и обняла меня, не обращая внимания на то, что я была вся в картофельной кожуре, что лишний раз доказывает, какая она замечательная подруга. Когда я поднималась наверх принять душ, Эрик все еще пялился ей вслед из окна гостиной.

– Эрик, этому не бывать! – сказала я достаточно громко, чтобы он услышал.

Еще через полтора часа мы с мамой были готовы.

– Эрик, поехали, – позвала мама в нетерпении. Она классно выглядела: на ней были юбка и кофта, подаренные папой на прошлое Рождество, а волосы блестели и пахли манго. Не знаю почему, но мои волосы были совершенно другими. Ее были длинными, темными и выющимися от природы. Мои же, несмотря на все изнурительные манипуляции с феном, плойкой и колоссальным количеством средств для укладки, все равно напоминали бесформенную рыжую копну с едва

уловимым запахом батата.

– Иду!

Мама поправляла одежду, готовясь выходить. Тут зазвонил телефон, и она бросилась искать его в сумке.

– Да, это я... – Она нахмурилась. – Что вы сказали?!

В этот момент я гладила Шмидта, но после этих слов вдруг застыла. Что-то было в ее голосе. Она побледнела и так крепко схватилась рукой за спинку кухонного стула, что костяшки пальцев побелели.

– Все, я готов! – Эрик сбежал по лестнице, но я перехватила его взгляд и предостерегающе покачала головой.

– Этого не может быть, – с трудом произнесла мама. Мы с Эриком подошли поближе, но она не смотрела ни на одного из нас. – Мой муж в самолете. Мы сейчас едем его встречать.

У меня перехватило дыхание. Я вспомнила недавнее предсказание Дженны. Эрик схватил меня за руку, и я не отняла ее.

– Да, – сказала мама еле слышно. – Да, это его кольцо... Да, на правой лодыжке. Поняла... Да...

Пошатываясь, она подошла к буфету, выдвинула ящик, достала из него ручку и листок бумаги и что-то нацарапала на нем.

– Конечно, – прошептала она. – Спасибо.

Она положила трубку и тяжело оперлась о кухонный стол, не глядя в нашу сторону и низко опустив голову.

– Мама, – позвала я голосом маленькой испуганной де-

вочки. – Что с папой?

Мама обернулась. Ее лицо все пошло красными пятнами. Она долго собиралась с силами, чтобы ответить.

– В Майами на подъезде к аэропорту произошла авария, – произнесла она безжизненным голосом. – Папа так и не сел в самолет.

Шесть недель спустя

– Вы что, издеваетесь?

Я говорю это вслух, потому что это просто невыносимо: еще нет восьми утра, а уже такая жара и с меня пот льет ручьем. Шорты замялись в самых неожиданных местах, а вместо обтягивающего топа стоило надеть более свободную футболку. Совсем недавно этот наряд так круто смотрелся в зеркале, а теперь явно выглядит не лучшим образом. В воздухе парит, и трудно дышать.

По крайней мере, можно не спешить. В Аventure средняя школа всего в шести кварталах от дома. Да я туда и не очень-то тороплюсь. Утро явно не задалось. Эрик еще до рассвета начал баловаться со своим вертолетом с дистанционным управлением, и эта штуковина с жужжанием залетела в мою комнату и врезалась в меня в тот момент, когда я подняла голову от подушки, чтобы ее взбить. Было очень больно.

Я громко завопила, когда вертолет, отскочив от моей головы, приземлился на одеяло, крутясь и подпрыгивая. Я и так уже довольно паршиво себя чувствовала. Последнее время у меня часто такое настроение. И самые тяжелые минуты – между сном и пробуждением.

Когда я сплю, он жив.

Когда я не сплю, я притворяюсь, что он жив. Я обманываю себя, что он не умер, а просто в командировке. Как обычно.

Но на грани сна и бодрствования, когда чувства мои только пробуждаются... Бац, и осознание обрушивается на меня, прямо как вертолет Эрика. Его больше нет! И никогда не будет. Перед моими глазами возникают ужасные сцены авткатастрофы, которые я постоянно гоню от себя – и днем и ночью.

А сейчас я страдала не только от душевной боли, но и физической. Такую боль обычно можно снять только большой дозой ибупрофена.

– Отем, – возмущенно сказал Эрик, забегаая в комнату и поднимая свою игрушку. – Ты испортила мою аэросъемку! Вот спасибо тебе большое!

– Съемку? – Я смотрела, как он отсоединяет одну из маленьких навесных камер от вертолета. – Ты серьезно? Ты что, снимал меня во сне?

– Мама велела мне тебя разбудить. Ты не слышала будильника. – Он поднял с пола носок, который я оставила валяться на полу, и, как заправский баскетболист, забросил его в корзину для грязного белья. – Опа! Фоллз в своем репертуаре!

Вот и неправда. Я вообще *не заводила* будильник.

Я сильно зажмурилась, чтобы унять пульсирующую головную боль. Мой брат был сейчас похож на мальчишку из рекламы овсянки: такой же голубоглазый и беззаботный, готовый начать день со здорового и хорошо сбалансированно-

го завтрака. Меня даже затошнило от этого зрелища.

– Как ты можешь быть таким счастливым? – выпалила я.

– Что?

– Ты что, не боишься первого дня в новой школе?

– Нет, – ответил он.

– А надо бы, – сказала я, прищуриваясь. – Там все дети незнакомые. Что, если ты никому из них не понравишься?

– Понравлюсь, – уверенно заявил он, но в его глазах мелькнула тень сомнения. Я почувствовала проблеск триумфа.

– А может, нет? – я холодно взглянула на брата. – Сейчас середина учебного года. Все уже передружились между собой. Может, они подумают, что новенький – какой-то извращенец, который занимается странными вещами. Например, снимает людей во сне. Никто не захочет иметь с тобой дела.

Эрик безмолвно открыл рот, а уверенность в его глазах начала постепенно таять. Я была довольна собой... До того момента, пока он не развернулся и не пошел прочь, низко опустив плечи.

И тогда я поняла, что вела себя – и веду! – как самое отворачивательное человеческое существо во всей Вселенной.

Потому что мои слова на самом деле отражали то, что чувствовала я сама. У моего брата все будет хорошо. Именно со мной никто не захочет общаться. Именно я не смогу влиться в коллектив.

– Эрик, подожди! – позвала я, испытывая стыд за себя. –

Ты забыл свою камеру!

– Она мне не нужна.

– Эрик! – Я потом заглажу свою вину. Не то чтобы мне хотелось издеваться над Эриком, просто он справлялся с ситуацией значительно лучше, чем я.

Я схватила с тумбочки свой телефон и послала Дженне сообщение всего из двух слов: «Я – ОТСТОЙ».

Затем я поплелась в ванную и осмотрела себя в зеркале. В центре лба у меня надулась огромная красная шишка. Прямо посередине шишки шла глубокая царапина, и в результате мое опухшее лицо больше всего напоминало обезьяний зад.

После душа отек стал еще больше и смотрелся просто ужасно. Я вернулась в комнату, где на моей кровати меня ждала мама.

– Знаю, – сказала я в ответ на ее укоризненный взгляд. – Я отвратительная сестра.

Она молча взбила мои подушки, и я присела с ней рядом. Я немного выше ее, что по-прежнему кажется мне немного странным. Как будто из-за этого именно я должна заботиться о ней, а не наоборот.

Она обняла меня, и я положила голову ей на плечо.

– Мне нужно идти в школу?

– Вообще?

– А «никогда» может рассматриваться как вариант?

– Ты помнишь, почему папа назвал тебя Отем? – помолчав, спросила она.

– Потому что в глубине души он меня ненавидел?

Только вдумайтесь: *Отем Фоллз*⁴. Это имя как констатация факта: я недотепа и подвержена сезонным обострениям. Вот Отем. Что она делает? Падает. И тут возникает еще одна проблема. Лето – это жара, пляж, развлечения на свежем воздухе, веселая жизнь. Зима – это уют, снег, горячая еда и приятная сонливость. А осень мотает туда-сюда. Она сама не знает, чего хочет. Это неприятное время года, грязное и неопределенное. И именно в честь него меня назвали. Причем дважды!

Теперь понятно, почему у меня никогда не было Дела? Ничего странного.

– Он дважды назвал тебя в честь времени года, которое считал самым удивительным в году, – сказала мама.

– Он так считал? – спросила я. Мне известна эта история, но я хочу еще раз услышать ее из маминых уст.

– У меня был целый список женских имен, но он хотел назвать тебя именно Отем. Он говорил, что ему понадобится много времени на то, чтобы разобраться в тебе, и что Отем Фоллз подходит тебе лучше всего.

– Разобраться во мне... И это еще до моего рождения.

⁴ Имя девочки Отем (*англ.* Autumn) означает «осень», а фамилия Фоллз образована либо от существительного Fall, что также означает «осень» в американском варианте английского языка, либо, если рассматривать его как глагол единственного числа третьего лица, имеет множество значений и может в разных контекстах переводиться как «падает, опускается, идет под уклон, наступает» и т. д. На этом здесь и далее строится игра слов.

– Так он говорил. Он говорил, что тебе на роду написано стать Отем, потому что осень так непредсказуема. Она может быть и теплой, и холодной, в ее палитре множество цветов. Даже когда листва увядает и осыпается, она все равно прекрасна. «Осень яркая и интригующая, – говорил он мне. – И такой же будет наша дочь». Я хочу сказать, что ты сильнее, чем думаешь. Идти в школу или не идти – решать тебе. Но мне пора везти Эрика. Я люблю тебя, Отем.

Я упала спиной на кровать с намерением поспать еще... Только глаза не закрывались. Глупость, конечно. Но мне хотелось быть сильной ради папы. Оставалась проблема с шишкой, но немного косметики и правильная укладка челки могли ее решить.

Когда я спустилась вниз, мама с Эриком уже уехали. Минуту я задумчиво разглядывала диван, собаку и телевизор. Мы втроем могли провести отличный денек вместе.

Потом я взяла со стола снимок в рамке. Это была фотография отца, сделанная во время нашей поездки на Бермуды в прошлом августе. Он стоит на розовом песке в позе супергероя. За день до этого он потерял свои солнечные очки, поэтому надел мои, круглые и в стразах. На нем длинные плавки, сплошь покрытые уродливыми карикатурными портретами американских президентов. Вид у него невероятно идиотский, но он счастлив. Смотришь на фотографию, и хочется оказаться с ним рядом.

– Я люблю тебя, папочка, – сказала я.

И вышла из комнаты.

* * *

Когда я брела мимо однотипных одноэтажных домов с розовыми крышами и большими панорамными окнами, мне наконец-то пришел ответ от Дженны: «ОТСТОЙ – это не про тебя!» Как же я по ней скучаю!

Я до сих пор не могу поверить, что живу во Флориде. Я была уверена, что после всего случившегося мы никуда не поедем. Но мама решила, что папе хотелось бы, чтобы мы сделали так, как планировали: переехали в том дом, который он нам нашел, и присматривали за Эдди. Я возражала, что после переезда мы лишимся своего дома, друзей и всего привычного. Я и раньше противилась ему изо всех сил, а уж теперь, когда все изменилось... И разве мама, как всякая хорошая мать, не должна стараться сохранить ту минимальную стабильность, которая у нас еще оставалась?

В ответ она расплакалась. Последнее время я явно испытывала свою семью на прочность.

По пути в школу, буквально в квартале от дома, на дорогу передо мной выходит парень моего возраста с рюкзаком на плече. Наверно, он тоже идет в школу.

Он шагает прямо передо мной, и я невольно рассматриваю его. На нем шорты до колен с кучей карманов и красная футболка. Темные волосы на затылке коротко пострижены.

Но что действительно приковывает к себе взгляд, так это его шея – она почти такая же красная, как его футболка. Должно быть, он забыл помазать ее кремом от загара, потому что она явно сгорела. Видимо, парень относился к тому типу людей, которые легко сгорают на солнце. Его руки и ноги такие же бледные, как мои, а мне нужно наносить средство от загара с повышенным уровнем защиты SPF 100+, если предстоит даже ненадолго выйти из дома.

Неужели у меня такая же бледная кожа, как у него? Он почти прозрачный. Я вытянула руку вперед, пытаюсь сравнить ее с цветом его ног. Он был на расстоянии вытянутой руки. Может, если подойти чуть-чуть поближе...

Но только я ускоряю шаг, как он внезапно разворачивается мне навстречу.

– Либо ты частный детектив, упавший мне на хвост, и тогда я готов немедленно расколоться и поведать тебе все, что тебя интересует. Либо ты тоже направляешься в Аventura-скую среднюю школу, и тогда с моей стороны было бы ужасно невежливо идти к тебе спиной всю оставшуюся дорогу.

Он мне сразу понравился. Частично потому, что он веселый и уверенный в себе, а частично потому, что он – мой бледнолицый брат в мире людей с золотым загаром.

– Я иду в Аventura-скую школу, – говорю я. – Отем Фоллз. Он смотрит на меня с недоумением, и я решаю уточнить: – *Меня зовут Отем Фоллз.* Я вовсе не собиралась сообщать тебе о наступлении осени.

– Зло ем флот, – произносит он в ответ.

– Что?!

– Это я составил из букв твоего имени. А меня зовут Джей-Джей Остин, и, к сожалению, никакой приличной анаграммы⁵ из этого не составишь. Если бы в моем имени была хотя бы еще буква «К», могло бы получиться «Джей – не джойстик», но, поскольку ее нет, ничего не выходит.

– Увлекаешься анаграммами? – спрашиваю я, когда мы продолжили свой путь вместе.

Он кивает.

– Я вообще люблю играть в слова. Анаграммы, кроссворды, акrostих⁶, «Мешанина»⁷...

– «Мешанина»?! Разве в него играют те, кому еще не исполнилось восемьдесят?

– Да, если ты член моей семьи. Это то, чем мы занимаемся вместе. Понимаю, звучит странно, но это наше общее дело.

– Семейное дело? – переспрашиваю я, так как это произвело на меня впечатление. – Я и не знала, что это возможно.

Я делюсь с ним своей теорией на этот счет. И добавляю, что общее занятие, Семейное дело, может стать приятным

⁵ Анаграмма – слово или словосочетание, образованное путем перестановки букв, составляющих другое слово или словосочетание.

⁶ Акrostих – стихотворение, в котором первые буквы строк составляют какое-то слово.

⁷ «Мешанина» (англ. The Jumble) – американская телевизионная викторина, которая выходила на канале The Family Channel.

дополнением к моему трактату по теме. Я провела с Джей-Джеем каких-то пять минут, а уже на него запала. Надеюсь, у нас будут в школе совместные уроки.

Мое новое учебное заведение представляет собой низкое, распластанное по земле здание, окрашенное в очень причудливый оттенок лилового цвета. Вдоль самой длинной стены гигантскими бирюзовыми буквами красуется надпись «Авентурская средняя школа». Здание построено в виде подковы с широкой и ровной лужайкой посередине. Сейчас она вся заполнена людьми, которые кидают друг другу тарелку фрисби, перебрасываются футбольным мячом и просто слоняются туда-сюда.

Может, знакомство с Джей-Джеем – хорошая примета? Может, я так же легко сойду с всеми остальными? Возможно, к началу следующей недели – а может быть, и к завтрашнему дню – у меня уже будет свое собственное место на этой площадке, где новые замечательные друзья будут приветливо встречать меня и тусоваться со мной до начала уроков.

– Не подскажешь, где кабинет директрисы? – спрашиваю я, когда мы входим в здание. Слава богу, внутри работает кондиционер, хотя уже поздно: я не глядя в зеркало знаю, что мою прическу уже не спасти. – Мне нужно ей представиться.

– Конечно. Это в конце коридора. Твоя семья сюда перебралась недавно?

Я предпочла бы, чтобы мы не затрагивали эту тему. Она

неизбежно приведет к разговору о папе, а значит, к широко распахнутым глазам с сочувствующим выражением из серии «бедняжка, даже представить себе такого не могу!». Снова появится мучительное ощущение невосполнимой потери, которое, подобно вакууму, затягивает в себя все и вся.

– Да, пару недель назад.

Я боюсь, что он начнет задавать мне вопросы, поэтому увожу его от темы просьбой составить анаграммы из названия моего города «Стиллвотер» (получается «Трест воли»), «Школа Аventura» («Шкура вола – не та!») и «Слишком уж жарко!» («О! Жук жрал с шиком!»). К этому моменту мы уже подошли к директорскому кабинету. Его огромное окно выходит прямо в коридор, но сейчас жалюзи на нем плотно закрыты.

– Хочешь, подожду тебя? – предлагает он. – Я могу проводить тебя в твой класс.

– О! – Я не ожидала такого предложения. – Я справлюсь. – И начинаю оттягивать свой топ, чтобы немного охладиться.

– Понял.

На самом деле, я бы очень хотела, чтобы он подождал меня и проводил в класс, но не хочу, чтобы он услышал то, что может сказать директриса. Если она заговорит о папе, может получиться очень неловко.

– Ну тогда... Ммм, еще увидимся? – произношу я.

– Конечно. Увидимся. – Он разворачивается и уходит прочь по коридору. А потом вдруг поворачивает голову, что-

бы бросить через плечо: «С виду – имя!», что, как я понимаю, должно быть анаграммой от «увидимся».

Когда он отходит, я начинаю рыться в своей огромной сумке, нахожу телефон и посылаю Эрику сообщение: «Извини меня за сегодняшнее утро! Дети в школе полюбят тебя».

Он немедленно отвечает: «Я это знаю. Я клевый».

Иногда мне так хочется быть моим братом!

2

Миссис Дорио едва бросает на меня взгляд поверх очков, когда я вхожу в ее кабинет по знаку секретаря.

– Да?

– Я— Отем Фоллз. Кажется, я должна зайти к вам до начала занятий?

– Да. – Она встает и внимательно осматривает меня с ног до головы. Миссис Дорио молода, и ее даже можно было бы назвать привлекательной, если бы она не выглядела так устрашающе. Она не устаивает меня даже легкой улыбкой. Возможно, потому что запекается заживо внутри своего серого брючного костюма.

– Ты что, подралась?

Ее речь звучит отрывисто и монотонно, как будто ей не хочется тратить время и эмоции на произношение слов. Она обходит свой письменный стол, чтобы обеспечить себе вид сверху на мой несчастный лоб. Пока я болтала с Джей-Джем, я совершенно забыла о своей шишке, но под ее пристальным взглядом она начинает снова пульсировать болью.

– Нет, я...

– За драку полагается отчисление. Как и за наркотики, ношение оружия на территории учебного заведения, сексуальные домогательства или поджог. Другие правонарушения рассматриваются Дисциплинарным советом и караются раз-

личными наказаниями от оставления после уроков до исключения из школы, в зависимости от их тяжести и частотности. Все это подробно разъяснялось в наших информационных письмах, не так ли?

Я не знаю, что и сказать. Поджоги? Серьезно? У них что, часто поджигают школу?

Миссис Дорио вопросительно поднимает бровь. Возможно, мое молчание вызывает у нее подозрение, что у меня есть слабость к поджогам?

– Да, – подтверждаю я. – Я получала электронные письма.

– Хорошо. Значит, ты знаешь, куда идти.

– Знаю.

Она снова пристально смотрит на меня, словно ожидая, что я скажу что-нибудь еще. Поэтому я достаю расписание занятий, которое распечатала заранее.

– Первый урок. Аудитория 3. Мисс Склоун.

Миссис Дорио хмурится и забирает у меня бумагу.

– Мисс *Ноулз*, – поправляет она. – И аудитория 8.

Я бы не ошиблась, если бы не нервничала. Миссис Дорио пробегает глазами список уроков и кабинетов, водя пальцем по строчкам сверху вниз. Я чувствую унижение, но, должна признать, что в какой-то степени это полезно. Теперь мне не придется волноваться, что я могу перепутать коварные буквы и цифры, когда буду позже сверяться с расписанием.

– Спасибо.

Она кивает:

– Добро пожаловать в Аventuraскую среднюю школу, Отем. Если понадобится, моя дверь всегда открыта.

Она без тени иронии широко распахивает передо мной свою *наглухо закрытую* дверь, чтобы затем захлопнуть ее за мной.

В коридорах никого нет: занятия уже начались. Отлично. В информационном письме было указано, где находится мой индивидуальный шкафчик, но у меня уже нет времени, чтобы оставить там вещи, и я тащу с собой всю сумку. Я стараюсь идти быстро и тихо. Пока иду, замечаю, что стены школы покрашены в белый цвет с внушительными вкраплениями бирюзы и ярко-розового. Интересно, тот, кто их красил, страдал дальтонизмом?

Через окошко в двери аудитории я вижу незанятое место. Оно находится у противоположной стены, но в заднем ряду. Думаю, мне удастся незаметно проскользнуть без того, чтобы вращение Земли со скрипом остановилось при моем появлении. Из-за двери я слышу приглушенный голос мисс Ноулз, которая проводит переключку. Значит, я не очень-то опоздала. Возможно, они даже не обратят на мой приход особого внимания.

Я открываю дверь и вижу, как добрая сотня учеников разворачиваются в мою сторону, уставившись на меня в упор.

Ну ладно, может, не сотня. Может, всего-то двадцать пять или около того. С ничего не значащей улыбкой я направляюсь к свободному месту. Именно в этот момент мисс Ноулз

поднимает взгляд от классного журнала и произносит:

– *Отем Фоллз?*

Я вскидываю голову и не замечаю перед собой чьих-то вытянутых в проход ног. Какой сюрприз: я наступаю на них и растягиваюсь на полу, моя сумка распахивается, и все ее содержимое летит во все стороны.

Некоторые начинают ржать, включая хозяина конечностей, послуживших причиной катастрофы. А потом на него снисходит вдохновение:

– Зацените, – говорит он. – *Осень... наступила!*

Шутка не нова, но не в этой компании. Теперь хохочут все. Даже мисс Ноулз прикрывает рукой улыбку, чтобы было не так заметно, что она разделяет всеобщее веселье.

Я бросаю взгляд через плечо на автора гениальной шутки. Он такой огромный, что его парта и стул выглядят просто игрушечными. Готова поспорить, что, если он решит потянуться, мебель буквально разлетится на кусочки.

– Ты в порядке?

Я так засмотрелась на Халка⁸, что даже не заметила, как его сосед присел на корточки рядом со мной...

Ух ты!

Безусловно, это самый красивый парень, которого я когда бы то ни было видела в своей жизни.

⁸ Халк (*англ.* The Incredible Hulk) – персонаж комиксов, фильмов и телевизионных программ, превращающийся в огромного, невероятно сильного человека зеленого цвета.

Нет, правда. Он мог бы дать сто очков вперед Кайлеру Лидсу. Добрые голубые глаза, гладкая смуглая кожа, мускулистые руки. Он помогает мне собирать рассыпавшиеся ручки, ключи и блеск для губ, и, когда он это делает, его тренированные бицепсы так и играют. Я подумала, сильно ли он удивится, если я обрисую эти бугры пальцем.

О, нет! Я действительно протянула руку, чтобы их потрогать. Шаловливая ручонка! Я отдергиваю ее в надежде, что он ничего не заметил.

– Да кому они вообще нужны? – спрашивает он.

Его мускулы? Да нет, мне так даже очень!

Потом до меня доходит, что он имеет в виду учебники. Я забираю их и запикиваю обратно в сумку.

– Спасибо.

– Без проблем. Я Шон.

– Отем. Приятно познакомиться.

– Вы закончили знакомиться по-собачьи, на четвереньках? – спрашивает мисс Ноулз. – Или, может, еще обнюхаете друг друга?

Новый взрыв смеха. Я быстро ныряю на свое место и съеживаюсь. Мне очень неудобно перед Шоном. Но он хохочет вместе со всеми. Он даже встречается со мной глазами и одаривает меня такой широкой улыбкой, что я просто не могу на нее не ответить.

Как правило, я не люблю навешивать ярлыки. Но Шон очень легко поддается классификации. Уверенность в себе,

потрясающая внешность, полное отсутствие боязни опозориться... Да, он всеобщий любимчик. Должно быть, с пеленок. Повезло ему. И мне повезло. Он был приветлив с новенькой. Возможно, это послужит примером для остальных.

Я чувствую, как кто-то стучит меня по плечу. Оборачиваюсь и вижу девчонку, которая, очевидно, снизошла до посещения занятий в перерыве между фотосессиями для обложки гламурного журнала.

– Привет, – шепчет она, сверкнув ослепительной улыбкой.

– Привет.

– Я просто хотела тебе сообщить, – она ложится грудью на парту и произносит громким шепотом: – У тебя на лбу что-то вскочило!

Все находящиеся в пределах слышимости от нас поворачиваются ко мне, чтобы поглазеть. Я чувствую себя так, будто их взгляды физически давят на мою гигантскую шишку, заставляя ее болеть еще больше. Мне даже не надо поднимать руку, чтобы проверить. Я и так знаю, что моя челка съехала в сторону, и теперь шишка у всех на виду.

На минуту наступает гробовая тишина, а потом несколько человек опять начинают смеяться.

Да, теперь я могу официально заявить: я однозначно смогла обратить на себя внимание. Правда, не так, как я рассчитывала.

3

Чертова шишка. Чертов квадрокоптер. Чертов Эрик.

Мне больше всего хочется встать и уйти, но я просто не способна на такой поступок. Я веду себя как хорошая девочка на автопилоте. Поэтому я остаюсь в школе. Я держу голову низко опущенной, рот закрытым и каждые две минуты проверяю, на месте ли челка и надежно ли она прикрывает мой опухший лоб.

Короче, я похожа на слабоумную.

Единственный раз я открываю рот, чтобы потренировать грассирующее французское «р», и это заканчивается тем, что жвачка вылетает у меня изо рта и приземляется на парте соседки.

В обеденный перерыв я могу немного расслабиться. По крайней мере, я готова к тому, что ничего хорошего меня не ждет. После того как мне наконец-то удастся оставить свои вещи в шкафчике, я двигаюсь вдоль «Трубы» – длиннющего здания кафетерия. Я как можно дольше выбираю наименее ядовитые на вид продукты. Но, в конце концов, мне все же приходится выйти во двор, где на газоне, либо за столиками, либо просто на траве расположились остальные ученики.

Лучше сидеть в одиночестве, чем стоять с потерянным видом. Я иду к свободному местечку на газоне, где у меня меньше всего шансов быть замеченной. В Стиллвотере у

Дженны сейчас тоже перерыв на ланч. Возможно, она включила телефон.

– Отем? *Отем!*

Я оглядываюсь и замечаю Джей-Джея, который машет мне рукой с широкой улыбкой на лице.

С ним еще двое: тощий блондин с песочными волосами, уткнувшийся в свой мобильник, и невысокая фигуристая девчонка в обтягивающем платье мандаринового цвета. Она боком прилегла на траву в непринужденной позе, облокотившись на одну руку.

– Привет, Джей-Джей.

– Привет, Отем. Это Джек Риверс и Амалия Лейбовиц, также известные как «Держи сквер» и «А там ли овца? И блей!». В соответствии с твоей теорией, Дело Амалиты – косметика, а Джека – комиксы. Иными словами, Ам всеми силами способствует возникновению притяжения между мужчиной и женщиной, в то время как Джек, наоборот, всячески старается этому помешать.

– Чувак, ты не догоняешь, – возражает на это Джек. – Девчонки обожают супергероев.

– Девчонки обожают тех, кто играет супергероев в кино, – не соглашается с ним Амалита, – а не тех придурков, которые о них читают.

– С придурками поаккуратнее, – предупреждает ее Джей-Джей. – Мне лично нравятся комиксы про девушек-вампи-ров.

Джек впервые поднимает на меня глаза:

– А, привет! Это ты плюнула жвачку на парту Кэрри Америк на уроке французского? Молодец! Она гадина.

– Не каждая девчонка, которая дает тебе от ворот поворот, гадина, – говорит Амалита. Потом она поворачивается ко мне и произносит:

– *Esta como una cabra*⁹! А все потому, что она отвергла Джека, а с Джей-Джеем пошла на свидание.

– Ты говоришь по-испански? – спрашиваю я.

– Ладно, она не гадина, – замечает Джек. – У нее просто дерьмовый вкус.

– Или ей не очень интересно обсуждать злодейские планы захвата Мегалополиса, – говорит Джей-Джей.

– Метрополиса, чувак. – Джек поворачивается ко мне, но указывает на Джей-Джея:

– Он настоящий...

– Кто? Ну тогда ты – просто...

Амалита останавливает его жестом и обращается ко мне:

– *Si. Y tu*¹⁰?

– *Solo un poco*¹¹, – отвечаю я. – Я наполовину кубинка.

– Я тоже! – говорит Амалита. – Во мне каких только кро-

⁹ *Esta como uno cabra* (исп.) – широко распространенное выражение среди испаноговорящих. Выражает крайнюю степень удивления. Здесь может переводиться как «Очуметь!».

¹⁰ *Si. Y tu?* (исп.) – Да, а ты?

¹¹ *Solo un poco* (исп.) – немножко.

вей не намешано: невероятная пуэрториканско-мексиканско-эквадорско-еврейская смесь. Со стороны матери у меня в роду есть пуэрториканцы, мексиканцы, эквадорцы и кубинцы, а вот со стороны отца – никакого смешения кровей.

– В моей семье, наоборот, разнообразие по отцовской линии, – говорю я. – По национальности он у меня...

Он *был. Был.* Я смахиваю слезы в надежде, что никто этого не заметит.

– Дай-ка мне рассмотреть твоё лицо, – просит Амалита.

Плохая идея! В этом случае она скажет какую-нибудь хрень про мою шишку на лбу, а я, клянусь, больше уже не могу о ней слушать.

Но в эту минуту у меня нет сил на сопротивление, а в ее глазах светится решимость. Я наклоняю голову, и, когда Амалита резко садится и берет меня руками за подбородок, ее серьги и браслеты громко звенят.

– Вот что я тебе скажу, – заключает она после довольно продолжительного молчания. – Тебе идет натуральность. Замени помаду на блеск для губ. Персиковый. Забудь о тенях. Используй коричневую подводку для глаз. Растушевай ее сверху после нанесения. А снизу припудривай, но только очень тонким слоем. Сейчас грим у тебя разве что не течет по лицу. А надо совсем чуть-чуть, чтоб не быть похожей на клоуна. Если слегка припудрить, будет в самый раз. Немного бронзатора сюда, на выступающие части щек. Я вижу, ты кладешь слишком много. А нужно буквально капель-

ку, остальное убрать. Мы пойдем после школы в торговый центр и максимум за пятьдесят долларов купим тебе все, что нужно. И еще немного геля с арникой. Нанесешь на лоб, приложишь на ночь компресс со льдом, и к утру опухоль спадет.

На этот раз я даже не успеваю почувствовать подступающих слез. А сразу начинаю плакать.

Странно. Ведь она просто подсказала мне, как лучше краситься. Теперь наверняка решит, что я сумасшедшая.

Я крепко сжимаю кулаки и стараюсь сделать глубокий вздох. Еще немного, и мне удастся взять себя в руки. Я промокаю глаза салфеткой и пытаюсь сгладить все смехом.

– Извините меня, – говорю я. – Глупо получилось.

Амалита, Джей-Джей и Джек обмениваются взглядами, без сомнения ища пути отхода, чтобы насладиться остатком обеденного времени без меня. Амалита кладет свою руку на мою.

– Нам очень жаль твоего отца, – мягко произносит она.

К моим глазам опять подступают слезы, и мне приходится судорожно сглотнуть, чтобы не разреветься.

– Откуда вы знаете?

– Я тебя прогуглил, – сконфуженно отвечает Джек. – В начале перемены. Джей-Джей говорил о тебе не затыкаясь, вот я и...

Он замолкает, потому что Джей-Джей ущипнул его за руку. Лицо Джей-Джея стало такого же цвета, как и его обгоревшая шея.

– Мы нашли статью о собачьем приюте твоей мамы, – объясняет он. – И там рассказывалось, что произошло. Мне правда очень жаль.

Я не знаю, что он имел в виду – что ему жалко моего отца или что он навел обо мне справки. Я знаю ту статью, которую нашел Джек. Маме пришлось серьезно потрудиться, чтобы организовать открытие в Аventure отделения приюта «Питомцы Фоллз» еще до нашего отъезда из Мэриленда, и она с удовольствием дала интервью. Она просто не ожидала, что позже статья пополнится трагическими фактами.

Вообще-то это даже неплохо, что кому-то здесь все известно. Правда, сама я не могу говорить на эту тему без слез. Поэтому я просто киваю.

– О, черт!

Джей-Джей произносит это едва слышно, и я сначала подумала, что он обращается ко мне. Но потом я понимаю, что он смотрит на Амалиту, которая поднимается на ноги.

– Тейлор! – зовет она и машет рукой. – Эй, это я! Не хочешь к нам присоединиться?

– Смерти нашей хочет, – пробормотал Джек.

Я проследила за тем, куда смотрит Амалита, и у меня в животе все перевернулось. Она зовет к нам Мисс Супер-модель, с которой я познакомилась на первом уроке. Та стоит вместе с высокой блондинкой, великаном из класса и еще парочкой его друзей – таких же здоровяков.

– В чем дело, Тей? – кричит Амалита. – Ты что, потеряла

слух и зрение вместе с памятью? Я здесь!

Люди вокруг начинают глазеть. Блондинка, похоже, в ярости. Она и Супермодель о чем-то переговариваются, но они слишком далеко, чтобы можно было что-нибудь расслышать. Парни взяли их в плотное кольцо, как рассерженные телохранители. Наконец, блондинка качает головой и направляется к нам.

– По крайней мере, она одна, – заметил Джек.

– Ам, пусть идут себе, куда шли, – советует Джей-Джей. – Ничего хорошего из этого не получится.

Если Амалита и слышала его слова, то виду она не подала. Она ожидает приближения девушки с широкой улыбкой на лице.

– Что происходит? – спрашиваю я Джей-Джея.

– Это Тейлор Дэнпорт, – отвечает он, кивая на блондинку. – Они с Ам были лучшими подругами, но три месяца назад Тейлор отшила ее и стала тусоваться с Ринзи¹².

– Ринзи?

– Так мы называем Марину Треску. Брюнетку.

– Она гадина, – говорит Джек.

– А вот на сей раз это правда, – комментирует Джей-Джей. – С этим не поспоришь.

– Что ты делаешь? – шипит Тейлор, подойдя к Амалите. – Как тебе не стыдно!

– Мне нечего стыдиться! – слишком громко отвечает

¹² Ринзи – популярная кличка для блогеров в Интернете.

Амалита. – А вот тебе должно быть стыдно, после того как ты поступила.

– Перестань, – говорит Тейлор еще тише.

– *Что* перестать? – невинным тоном произносит Амалита. – Считать тебя изменщицей? Ведь до этого года твоей новой *cuate*¹³ было абсолютно наплевать на тебя?

– Эй, вы там! – раздается писклявый голос Ринзи.

Я даже не заметила, как она подошла, а теперь стоит рядом с Тейлор. Ростом она пониже ее, но все равно очевидно, что именно она тут главная. Она сверху вниз улыбается Джей-Джею и Джеку.

– Ребята, не знаю, в курсе ли вы, но в округе Майами-Дейд запрещено держать питбулей. Если вы не заставите вашего перестать гавкать, его могут и усыпить.

– Привет, Ринзи, – говорит Амалита. – Как прошла перемена? Удалось поболтать с Кайтлин? Ну помнишь, той твоей подругой, которую ты бросила до того, как украла Тей? Или с Эвелин, которая была до нее? Забавно, нужно быть совершенно без мозгов, чтобы рассчитывать на твою дружбу.

– Ам, ты серьезно думаешь, что это заставит меня захотеть опять с тобой общаться? – Не дожидаясь ответа, Тейлор разворачивается и уходит прочь.

– Более легкие ткани, – обращается Ринзи к Амалите. – Они не будут так собираться и мяться в самых неприглядных местах. – Затем она поворачивается ко мне – Рада, что ты

¹³ Cuate (*исп.*) – приятельница.

нашла себе компанию. Профессиональный совет, – добавляет она, указывая на мой лоб, – с этим надо что-то делать. Жара может усугубить высыпания.

Когда она догоняет Тейлор, Амалита кричит им вслед:

– Эй, Тей! Не забудь, у меня есть твои фотографии в костюме Супер Грувера¹⁴ с прошлого года. – Она плюхается обратно на траву и поворачивается к парням: – Да что с вами? Вы словно в рот воды набрали. Вы что, ее боитесь?

– Ты сама начала, – отвечает Джек.

– Нет, мы не боимся Марину Треску, – добавляет Джей-Джей. – И да, если это возможно, нам хотелось бы держаться подальше от ее стероидных мафиози.

– Не обращай на них внимания, – говорит мне Амалита, когда я смущенно ощупываю свою шишку, которая не имеет никакого отношения к прыщам и уже стала размером с мячик для гольфа. – Все, что она сказала, полный бред.

По ее демонстративно-вызывающему, но вместе с тем опечаленному выражению лица я заключаю, что все же не бред.

– Послушай, а ты всерьез насчет похода в магазин после занятий? – спрашиваю я. – Потому что это действительно классная идея.

Амалита расплывается в улыбке.

– Встретимся у главного входа сразу после восьмого уро-

¹⁴ Грувер – персонаж популярного шоу «Улица Сезам». Он любит одеваться в костюм Супергероя.

ка, – говорит она с сияющими глазами. – Тебе понравится результат, если ты мне доверишься.

По-моему, мне уже нравится.

4

Мы выходим из магазина косметики и замечаем их.

Амалита и я провели два часа, пробуя разные тестеры и сравнивая бренды. Амалита, безусловно, разбирается в этом. Она могла рассказать о каждом средстве: насколько оно качественное, для чего предназначено, как долго держится, кто из звезд его рекламирует и кто действительно им пользуется, хорошо ли оно на них смотрится. Стилист Кайлера Лидса, похоже, большой поклонник именно той линии косметики для волос, которую обожает Амалита. Упоминание этого факта выливается в совместное пространное признание в любви к Кайлеру. Мы понимаем, что однажды нам придется сразиться не на жизнь, а на смерть за право быть с ним.

Ринзи, Тейлор, Шон и великан спускаются вниз по эскалатору. Они нас не видят. Пока что.

Я хватаю Амалиту за руку.

– Давай вернемся в магазин. Думаю, мне все-таки нужно купить тот увлажнитель для кожи под глазами.

– Я не боюсь Ринзи, – говорит Амалита, пристально глядя на них. – И ты не должна.

– Я и не боюсь. Просто когда я вижу осиное гнездо, то не пытаюсь его разворошить.

– Ну ты прямо как Джек и Джей-Джей! – Она бросает на меня тяжелый взгляд. – Если хочешь затаиться, ты не с той

связалась. Я всегда действую прямо.

– Считаю, это здорово. Просто...

– Отем!

Амалита и я одновременно поднимаем головы. К нам идет Шон. Мы не виделись с первого урока, и я прикидываю, не переоценила ли я в своих воспоминаниях его привлекательность.

Нет, не переоценила. И он идет прямо ко мне.

– Думал, мы встретимся еще на каком-нибудь уроке, но увы, – говорит он.

– Увы, – тупо повторяю я.

Это странно. Последний раз, когда я его видела, он был среди толпы тех, кто хохотал надо мной, а теперь заявляет, что искал меня на других уроках?

Я стараюсь настроить мой внутренний детектор лжи на максимальную чувствительность, но это дается мне с большим трудом, потому что я могу сейчас думать только о его глазах и улыбке.

– Вы уже знакомы? – спрашивает он, как будто только сейчас осознал, что он не один. – Тейлор, Ринзи, Зак... А это Отем.

Его приятели стоят поодаль. Зак поднимает руку в приветствии, а Ринзи и Тейлор одаривают меня вынужденными улыбками. Я отвечаю такой же. Мне боязно даже взглянуть, что в этот момент делает стоящая рядом со мной Амалита.

– Вы что, решили здесь поужинать? – спрашивает Шон. –

Мы вот обсуждали, не пойти ли нам в ресторанный дворик. Может, присоединитесь?

– Какая отличная идея! – захлебывается от восторга Амалита. – Разве это не здорово, Тей? Мы можем перекусить в бургерной «Черная Борода». Помнишь, когда ты еще не парилась так по поводу того, что люди скажут, мы надевали пиратские шляпы? Подожди-ка, по-моему, у меня и фотки сохранились...

Она достает свой телефон, и, могу поклясться, Тейлор готова выбить его у нее из рук. Прежде чем ей это удастся, Ринзи вступает своим визгливым голоском:

– Ой, хотелось бы, конечно. – В ее голосе столько же искренности, сколько у главного злодея в ток-шоу. – Но мне только что мама написала: она уже приготовила нам ужин. Так что нам уже пора.

– Да? – говорит Шон, а потом улыбается мне. – Жаль. Тогда до завтра?

– Конечно! – пишу я в ответ, мысленно отвечивая себе подзатыльник. Однако, когда я смотрю ему вслед, он оборачивается, чтобы улыбнуться мне еще раз. Дважды.

Амалита смеется.

– Да уж, затаиться тебе не удастся! Она уже занесла тебя в свой черный список.

Я смотрю на нее:

– В смысле?

– Ты что, не видела, каким смертоносным взглядом смот-

рела на тебя Ринзи? Она позаботится о том, чтобы превратить твою жизнь в ад.

– За что? – занервничала я. – Что я такого сделала?

Амалита берет меня под руку и ведет мимо магазинов.

– Она влюблена в Шона. Все это знают, кроме него. Или, может, он тоже знает, просто не хочет с ней связываться.

Я очень надеюсь, что так оно и есть, и он не хочет – совсем не хочет – с ней связываться.

– Шон любит, чтобы все шло мирно, без конфликтов, – продолжает она. – Как это предложение перекусить всем вместе. Он не идиот, и ему прекрасно известно о наших отношениях с Тей и Ринзи. Он знает, что этому не бывать.

– То есть он приглашал не всерьез?

Мне хочется, чтобы мой голос не звучал разочарованно. Но по гримасе на лице Амалиты я понимаю, что так и есть.

– Нет, ему хотелось, чтобы мы пошли. Или, вернее, чтобы ты пошла. – Она издает горький смешок. – Просто он из тех людей, которые думают, что если неприятности не замечать в упор, то они сами уйдут.

Я на минуту задумалась над ее словами.

– Но это... довольно мило.

– Считаешь? – Амалиту я не убедила. – Конечно, можно закрывать глаза на проблему, но когда ты их откроешь, она все еще будет тебя ждать, хочешь ты этого или нет.

В отличие от Шона, мы с Амалитой все-таки посетили ресторанный дворик, но сделали выбор не в пользу «Черной бороды», а променяли бургеры на жареную картошку с сыром и чили – блюдо, в котором овощи, молочные продукты и протеин превращаются во вкусную и гармоничную еду. Поэтому когда я добираюсь до дома, я не голодна, хотя *энчилада*¹⁵, которую мама приготовила на ужин, издает дивный аромат.

– Ну, как дела в школе? – спрашивает она, поднимая голову от планшета.

– Было классно, – отвечаю я, наливая себе стакан воды и роюсь в буфете в поисках десерта, который я смогу позже съесть в своей комнате наверху.

– Я рада, – говорит мама. – Знаю, утро выдалось тяжелым.

– Ммм... – Нашла. Пшеничные крекеры с шоколадом.

– У тебя есть минутка? – спрашивает она. – Мне нужно с тобой поговорить.

Что-то в ее голосе мне не нравится. Я сажусь за кухонный стол напротив нее.

– Я хочу, чтобы ты кое-что послушала. – Она встает, под-

¹⁵ Энчилада – традиционное блюдо мексиканской кухни, представляющее собой тонкую лепешку из кукурузной муки, в которую заворачивают различные начинки, чаще всего мясной фарш.

ходит к автоответчику и нажимает на кнопку воспроизведения. Я слышу пронзительный голос с кубинским акцентом.

– Отем, *mi corazon*¹⁶, это Эдди, твоя бабушка. Мама пообещала прокрутить тебе эту запись, если я перезвоню. Я должна тебя увидеть, *querida*¹⁷. Я скучаю по тебе, но дело не только в этом. У меня для тебя что-то *muy importante*¹⁸. Что-то, что может изменить твою жизнь.

Потом идет продолжительная пауза, во время которой слышится только тяжелое дыхание, как будто она не знает, как закончить. Затем запись прерывается.

– Эдди, твоя бабушка?! – переспрашиваю я.

– Да, знаю, у нее есть склонность к театральным эффектам. Но мы во Флориде уже три недели. Я навещаю Эдди практически ежедневно. Эрик ездит со мной два раза в неделю. Ты была у нее только один раз. *Один!*

– Я была занята!

Мама смотрит на меня так, будто это самая злая вещь, какую я когда-либо говорила.

– К тому же она сумасшедшая, – добавляю я, поскольку мама по-прежнему смотрит на меня. – Я понимаю, у нее был инсульт, и с этим ничего не поделаешь, но послушать только: «Что-то, что может изменить твою жизнь!» Кто бы говорил!

– Хочешь знать, что я думаю? – спрашивает мама таким

¹⁶ Mi Corazon (исп.) – душа моя.

¹⁷ Querida (исп.) – дорогая.

¹⁸ Muy Importante (исп.) – очень важное.

тоном, каким разговаривают с неразумным ребенком. – Я думаю, ты винишь Эдди за то, что случилось с твоим отцом.

Серьезно? Это что, диагноз психоаналитика?

– Конечно, она в этом виновата! – говорю я. – Если бы она не заболела, папе не нужно было бы сюда приезжать и он бы не попал в аварию. Это факт.

На лице у мамы удивленное выражение.

– Хорошо. Но она же не специально! Ты не можешь ее за это винить.

Еще как могу! Внезапно я чувствую такую усталость, что мои глаза слипаются. Мне нужно подняться наверх, и я обещаю маме, что завтра после школы съезжу навестить Эдди. Я пробуду там ровно столько, сколько нужно для ее судьбоносного сюрприза, а потом уйду.

Гарантирую, этим сюрпризом станет ее очередной керамический горшок.

На следующий день я выхожу в школу пораньше, чтобы обогнать Джей-Джея, дожидаясь, когда он окажется у меня за спиной, развернуться к нему и заявить, что преследование – это федеральное преступление, за которое полагается пожизненное заключение без права составлять анаграммы. Когда я дохожу до его улицы, я даже хихикаю в предвкушении, потому что впереди его не видно.

В этот момент он как ни в чем не бывало вылезает из живой изгороди, идущей вдоль дорожки, и оказывается прямо рядом со мной.

– Не стоит ходить так близко к зарослям кустов, – говорит он. – Никогда не знаешь, что они скрывают.

Вообще-то он напугал меня до смерти, но мне удастся не показать этого, хотя сердце готово выпрыгнуть из груди.

– Вот, значит, как мы теперь будем поступать? – спрашиваю я бесстрастно, в глубине души испытывая сумасшедшую радость от того, что теперь у меня есть друг, с которым можно скоротать дорогу до школы.

– Не исключено, – отвечает он, отряхиваясь от веточек и листы, когда мы уже шагаем рядом, – но пока я не заброшу все свои дела, чтобы заняться исключительно разработкой хитроумных планов с подробными чертежами, все захватывающие способы появления на твоём пути исчерпают себя

дней через пять.

– Значит, у тебя уже есть пять сценариев?

– И я предпочел бы придержать их до особых дат. Например, до Хеллоуина или твоего дня рождения. Впрочем, раз я уж упомянул эти дни, будем считать их рассекреченными. На них сюрприза можешь не ждать. Если только я не говорю это специально, чтобы ты расслабилась. А на самом деле все как раз наоборот. Или *нет*?

– Может, я буду отправлять тебе эсэмэску прямо перед выходом из дома, чтобы ты точно знал, когда я появлюсь?

– Мне нравится. – Мы обмениваемся номерами.

– Твой лоб выглядит получше, – замечает он. – Менее...

Я предостерегающе поднимаю руку:

– Не надо. Спасибо.

В школе, мы с Джей-Джеем расходимся каждый к своему шкафчику, но мой не открывается.

Я думаю, что набрала неправильный код. Пробую еще раз. То же самое. Дергаю дверцу посильнее.

Подходит Джей-Джей вместе с Джеком. Тот показывает Джей-Джею что-то в своем телефоне.

– Статья из «*Нью-Йорк Таймз*»¹⁹, – объясняет Джек. – Рупор общественного мнения. «Увлечение комиксами – новый тренд!»

¹⁹ «Нью-Йорк Таймз» (англ. «New York Times») – американская ежедневная газета, публикуемая в Нью-Йорке с 18 сентября 1851 г. Одна из самых влиятельных и известных газет мира.

– Скорее, хренд, – отвечает на это Джей-Джей.

В этот момент я, упершись ногой в дверцу шкафчика и схватившись за навесной замок, тяну его изо всех сил на себя. Если он все-таки откроется, я рискую растянуться на полу. Чувствую, как от усилий у меня даже подмышки вспоте-ли.

– Эй, парни, у меня шкафчик не открывается!

– А ты набрала правильный код? – спрашивает Джек.

– Как же я об этом не подумала? – саркастически говорю я. – Я набрала правильный код *шесть раз*. Все равно не открывається.

– Дай-ка я попробую, – предлагает Джей-Джей. Я уступаю ему место и называю комбинацию цифр. Он медленно набирает код, а затем резким рывком дергает замок вниз.

– Ой, я, кажется, плечо вывихнул!

Джек и я смеемся, глядя, как Джей-Джей отскакивает от шкафчика, тряся рукой.

– Нет, нормально? – обращается он ко мне. – Я, между прочим, для тебя старался!

– Знаю, извини, – говорю я, стараясь успокоиться. – Просто ты так уверенно взялся за дело, а потом...

– Привет! – К нам направляется Амалита. На ней пурпурное платье в обтяжку и крупные висячие серьги с бирюзой. – Где вы ходите? Я была там на площадке совсем одна.

– Отем сломала замок, – отвечает Джек.

– Не я его сломала, а он не открывается, – возражаю я.

– Забей, – говорит она. – Нам пора идти в класс.

Действительно, коридоры стремительно пустеют. Я опять начинаю дергать дверцу:

– Не могу. Мой учебник французского внутри. Если не заберу его сейчас, другого времени до второго урока у меня не будет.

– Ладно, – соглашается Джей-Джей. – Давай срежем замок.

У меня нет ни малейшего представления, как он собирается это сделать, но он остается со мной, в то время как Амалита и Джек направляются в класс. В результате Джей-Джей не сам срезает замок, а находит дворника. Тот смотрел себе спокойненько телевизор в помещении для охранников и особо не спешил на помощь, медленно бредя по коридору с большими кусачками в руке. Он вскрывает замок буквально за секунду, после чего я хватаю свои учебники, прощаюсь с Джей-Джеем и несусь в класс.

Опять опоздала. Естественно, Шон вместе с остальными разворачивается в мою сторону.

– Отем Фоллз снова финишировала последней. – Пока мисс Ноулз продолжает проверять посещаемость по списку, я спешу занять свободное место. Оно нашлось в заднем ряду, и пока все еще смеются над такой замечательной шуткой, Ринзи разворачивается ко мне.

И подмигивает.

И тут до меня доходит.

– Это она поменяла мой замок, – сообщаю я Амалите, Джей-Джею и Джеку во время обеденного перерыва. Я яростно вгрызаюсь в свой сэндвич с сыром.

– А я тебе говорила, ты в ее черном списке, – говорит Амалита, пожав плечами.

– Возможно, – заявляет Джей-Джей, кусая свой ролл со свининой. – Но ей пришлось бы вернуться в школу вчера поздно вечером или прийти сегодня с утра пораньше, чтобы срезать твой старый замок и заменить его новым.

– Обычно они запирали не шкафчики, а людей. Это что-то новенькое, – бормочет Джек, просматривая фото в «Инстаграме».

– Но я же ничего ей не сделала! А почему тебя нет в ее списке? – спрашиваю я Амалиту. – Ты-то постоянно насмехаешься над ней!

– Она украла мою лучшую подругу, – резко заявляет Амалита. – Это она в моем черном списке!

– О чем это вы? Что за люди? Какие списки? – позже интересуется Дженна, когда я звоню ей, чтобы поделиться новостями. Уроки закончились, и я еду на автобусе проведать Эдди. Я думала откосить, но раз уж обещала, пришлось поехать. Ненадолго.

– Не знаю, – говорю я. Мимо автобуса проезжает вишневое «Порше» с мальтийской болонкой, выглядывающей в окно. – У нас с тобой никогда не было никаких списков. А у

них тут какое-то «Лицо со шрамом»²⁰. Они все здесь такие мстительные.

– Это, наверное, от влажности, – заявляет Дженна. Мы еще немного болтаем, а потом я замечаю, что уже приехала, и мы прощаемся.

Автобус высаживает меня как раз напротив «Сенчури Акрз»²¹. Несмотря на свое название, дом престарелых занимает не так уж много акров земли. Здание довольно большое с высокими потолками и тремя этажами квартир, которые крыльями расходятся в обе стороны от центрального вестибюля.

Когда я захожу внутрь, меня оглушает фортепианная музыка. Вестибюль расширяется в достаточно большую зону отдыха с диванчиками и рядами складных стульев. Сейчас все места заняты: пожилые мужчины и женщины улыбаются и хлопают в такт довольно фальшиво звучащему музыкальному сопровождению и не менее фальшивому, хоть и очень энергичному, исполнению попури из старых песен.

Я пробегаюсь глазами по рядам седых голов. Сзади любую из них можно принять за Эдди.

Затем я слышу ее голос. Она подвывает исполнителю. Ее сильный кубинский акцент делает каждое второе слово в

²⁰ «Лицо со шрамом» – знаменитый фильм о мафии 1983 г. выпуска по мотивам одноименного романа Армитэджа Трэйла (1932 г. издания). Режиссер Брайан Де Пальма, в главных ролях Аль Пачино, Стивен Бауэр и Мишель Пфайффер.

²¹ Название дома престарелых «Century Acres» можно перевести как «Вековые земли».

песне почти неузнаваемым.

Нет! Только не это!

Я вижу, как моя восьмидесятилетняя бабушка, одетая в тренировочный костюм розового цвета, ложится животом на рояль и тянется за микрофоном, задрав вверх ноги в фиолетовых кроссовках. Она прижимается щекой к играющему на рояле мужчине средних лет, чья редущая растительность на голове напоминает лохматую прическу Эйнштейна, и начинает петь с ним хором.

– Поют все! – громко провозглашает она, усаживаясь на рояле. Она поднимает руки высоко над головой и начинает качаться из стороны в сторону.

Ну все! Пора сматываться!

– Отем! – кричит она.

Вот черт! Я не успела сделать и пары шагов.

– Эдди, – откликаюсь я с неестественной улыбкой, словно прилипшей к губам, – я тебя не заметила.

Эдди хватает микрофон:

– Леди и джентльмены! Это моя внучка Отем. У нее ангельский голосок. Иди к нам, Отем, споем вместе!

Все аплодируют. Зачем только я согласилась сюда прийти?

Я пробираюсь к Эдди, и она тычет мне микрофоном в лицо.

– Всем здравствуйте, – с вымученной улыбкой произношу я. – Я, пожалуй, не буду петь. Я приехала проведать бабушку.

Нестройный хор из «А-а-а!» перебивается гневным «Тогда слезай со сцены!».

– Эй, потише там! – набрасывается Эдди на обидчика. Она соскальзывает с рояля, берет меня за руку и, петляя, идет через толпу. Ростом она едва доходит мне до подбородка, но она очень шустрая. Чтобы поспевать за ней, мне приходится согнуться почти вдвое.

Она замедляет шаг, только когда мы выходим в вестибюль и направляемся к ее комнате. Она обхватывает меня рукой и притягивает поближе. Ее голова упирается мне в бок на уровне груди. Это несколько затрудняет движение.

– Здравствуйте, миссис Рубинштейн, – обращается Эдди к женщине, идущей нам навстречу шаркающей походкой. Они обнимаются, болтают о родственниках, Эдди представляет меня... Стоит нам отойти, Эдди ворчит: – Эта женщина – та еще язва! Две недели подряд подменивала мне карточки в бинго²². А мои были выигрышные!

Произносит она это достаточно громко. Я оглядываюсь, чтобы извиниться перед миссис Рубинштейн, но у нее на лице блуждает та же улыбка, что и раньше.

Я делаю из этого два вывода. Первый: средняя школа никогда не кончается, и второй: гораздо приятнее, когда ты просто не слышишь те гадости, которые о тебе говорят.

Может, потратиться на беруши?

К моменту, когда мы добираемся до комнаты Эдди и она

²² Бинго (*англ.* bingo) – западный аналог игры в лото.

устанавливается в своем любимом кресле, я уже по горло сыта этим заведением. Но Эдди продолжает рассказывать:

– А эти медсестры? Ты думаешь, они дают мне те лекарства, которые доктор прописал? Как же! – Она опускает голос до шепота, хотя в комнате мы одни, а входная дверь закрыта. – Они ставят на мне свои эксперименты!

Я роюсь в сумке в поисках телефона. Интересно, Эдди заметит, если я буду писать сообщение Дженне?

– Ты хотела приготовить ему *boniatillo*, – говорит Эдди. – Ему бы это очень понравилось.

Я буквально застываю на месте, моментально забыв о телефоне.

– Что?

Эдди наклоняется ко мне из своего кресла. На ее морщинистом смуглом лице застыло торжественное выражение, а в глазах грусть.

– Рейнальдо. В тот день, когда он должен был вернуться домой. Это был хороший выбор! Это блюдо всегда было его любимым. Как и ты. Только не говори об этом своему брату.

Она подмигивает мне, но я почти не слежу за ее словами. По иронии, впервые за все это время в том, что она говорит, появился какой-то смысл.

– Это тебе мама рассказала?

– Твой брат. Он показал мне видео. Шеф-поваром, *mi corazon*, тебя, конечно, не назовешь, но в конечном итоге все

выглядело *muu delicioso, muu authentico*²³.

– Спасибо.

Я произношу это тихим шепотом. Мама, Эрик и я никогда не говорим о том дне. Никогда.

– Ты прослушала мое сообщение? – спрашивает она.

Я киваю.

– У тебя есть для меня что-то, что изменит мою жизнь.

– Если ты позволишь.

Эдди достает что-то из ящика прикроватной тумбочки и протягивает мне. В бумажную салфетку завернуто что-то прямоугольное.

– Извини за такую упаковку. Рейнальдо оставил мне это перед уходом. У меня больше не во что было положить.

Внутри салфетки лежит блокнот в коричневой кожаной обложке. На коже выдавлен какой-то символ, изображающий треугольник с лицом внутри. Я провожу по нему пальцем. Обложка на ощупь мягкая и довольно потрепанная, но, когда я заглядываю внутрь, вижу, что разлинованные странички девственно чисты.

– Это папа тебе дал? – спрашиваю я.

– Чтобы я передала тебе.

Я качаю головой.

– Но он ехал домой. Если он хотел отдать его мне, почему просто не захватил с собой?

²³ *Muu delicioso, muu authentico* (исп.) – Очень вкусно. Именно так, как должно быть.

Эдди откидывается в кресле со вздохом, исполненным глубокой печали.

– Твой папа... всегда знал.

– Что знал? Хочешь сказать, он знал, что попадет в катастрофу? – Эдди не отвечает. – Нет, – говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно. – Если бы он знал, то не стал бы садиться в ту машину. Он бы остался в гостинице.

– Я не знаю, как это у него получалось, *querida*. Я не знаю, что он мог менять, а что нет. Я только знаю, что он сказал мне сделать. Отдать тебе этот блокнот. И сказать, что он может изменить всю твою жизнь.

– Это просто блокнот, – сказала я, помахивая им в воздухе. – Как он может изменить мою жизнь?

Она обхватывает свое костлявое тело руками.

– Чувствуешь? Они понизили температуру. Они все время так делают. Не хотят, чтобы мы чувствовали себя слишком комфортно!

Н-да... Она потеряла нить разговора.

– Эдди, что именно сказал папа? Расскажи подробно. Как, по его словам, блокнот может изменить мою жизнь?

Внезапно Эдди всем телом подается вперед и смыкает пальцы у меня на запястье: – Пиши в нем, Отем.

Ой! Ей восемьдесят лет. Как у нее может быть такая железная хватка? Наверно, это от занятий гончарным делом.

– Пообещай мне, – настаивает она.

– Ладно, ладно. Буду писать.

– Прекрасно, – говорит она. – А теперь помоги мне выбрать платье. Сегодня будут танцы Сэйди Хокинс²⁴, и если я не приглашу Хуана-Карлоса *esta tarde*²⁵, Дариана доберется до него первой.

– Хуана-Карлоса... Фальсиано? – осторожно спрашиваю я.

– *Si*²⁶. Ты что, знаешь его?

Вообще-то мы не знакомы лично, просто я знаю, что он был моим дедушкой. Папа поменял фамилию на Фоллз, когда учился в колледже.

– Да, – заверяю я ее, – он – лакомый кусочек. Уверена, он не прочь потанцевать с тобой.

Эдди просияла. Следующие полчаса я трачу на то, чтобы помочь ей придеться для свидания с человеком, которого уже сорок лет нет в живых, а затем прощаюсь.

Мне нужно писать.

²⁴ Танец Сэйди Хокинс – то же, что белый танец, когда дамы приглашают кавалеров. Название получил по имени персонажа комиксов художника Эла Кэппа о дочери богатого и влиятельного жителя вымышленной деревни, которая из-за уродливой внешности никак не могла выйти замуж. Тогда отец устроил забег, в котором все холостые жители деревни должны были убегать от Сэйди. Тот, кто проиграет соревнование и придет последним, был обязан жениться на ней. Задумка так понравилась старым девам деревни, что забег стал ежегодным событием.

²⁵ *Esta tarde* (исп.) – сегодня вечером.

²⁶ *Si* (исп.) – да.

6

Я хотела присесть на скамейку прямо за воротами дома престарелых, чтобы записать что-нибудь в блокнот, но что-то меня тревожит, и я так ничего и не написала. Сев в автобус, я сразу отправляю сообщение Дженне с подробным изложением всех событий.

Отем: Что думаешь, правда или бред?

Дженна: Зачем твоему папе над тобой издеваться?
БРЕД!

Она права. Я ненавижу писать, и папа это прекрасно знал. У меня дислексия: слова выходят у меня не такими, какими я хотела бы их видеть. Зачем ему оставлять мне что-то, использование чего обрекает меня на муки ада?

Мой телефон прочирикал.

Дженна: Ну если только... может, он оставил записку?

А я и не посмотрела. Почему я не проверила? И правда, если бы он хотел оставить мне что-то настолько хитроумное, как блокнот, к нему прилагалась бы записка с пояснениями.

Я вытащила блокнот и внимательно перелистала все страницы.

Отем: Никакой записки.

Дженна: Тайна раскрыта! Блокнот – подарок тебе от Эдди, а не от папы. Просто у нее не в порядке с головой, и она все перепутала.

Отем: Да. Наверное.

Дженна: Но ты все же пиши в нем.

Отем:?!?!?!?

Дженна: В ответ на «черный список» ты можешь вести в нем свой собственный. «Белый». Список желаемого.

Отем: Возможно. Только ведь все равно придется писать.

Она права насчет Эдди. Конечно, она не в себе. Она была с приветом еще до инсульта. А теперь совсем свихнулась. Если бы она говорила правду, это бы означало, что папа заранее знал, что умрет, и ничего не мог с этим поделать.

Кошмар.

Но если он и *вправду* знал, что погибнет, и ... если он и *вправду* ничего не мог с этим поделать, то... здорово было бы получить от него последний подарок. Даже такой необдуманный, которым я и воспользоваться-то толком не смогу.

– Слушай, мам, – спрашиваю я за ужином. – А у папы были когда-нибудь ... предчувствия?

– О боже, – стонет мама. – Что тебе сказала Эдди?

– Предчувствия? – переспрашивает Эрик. – Это как у экстрасенсов?

– Она мне ничего не говорила, – отвечаю я, делая глоток

молока. – Она... ну... намекнула, что ли.

Эрик прижимает ладони к вискам.

– Я чувствую, что Шмидт попросит сейчас кусочек мяса. – Естественно, Шмидт начинает поскуливать. – Это наследственное. Я – гений!

– Ты неудачник, – отвечаю я. – Собака клянит с тех пор, как мы сели за стол.

– У твоей бабушки всегда были дикие фантазии еще до того, как ее хватил удар, – замечает мама. – Не стоит обращать внимание на ее слова. Твой папа был одарен очень во многих областях, но дара, в который хочет верить Эдди, у него не было.

Я больше не обсуждаю эту тему. Но, когда я поднимаюсь к себе, я достаю блокнот и плюхаюсь с ним на кровать. Я разглядываю странный треугольник с лицом на обложке. Такое странное изображение. Как будто его нацарапал ребенок. Напоминает иероглиф.

Я открываю блокнот. Ничего особенного внутри. Если хорошо поискать, можно найти точно такой же в канцелярском магазине. Возможно, именно там Эдди его и откопала, когда постояльцев «Сенчури Акрз» возили в торговый центр.

И все же...

Я беру ручку.

Я не собираюсь вести дневник. Я не из тех людей. Идея Дженны записывать свои пожелания тоже мне не нравится. Поскольку этот блокнот интересен мне только по одной при-

чине, мне кажется правильным использовать его только для одной цели.

«Дорогой папочка,

я знаю, ты не имеешь к этой вещи никакого отношения и не можешь прочитать того, что здесь написано, но я так по тебе скучаю. Ужасно. Настолько, что даже решилась написать. Думаю, ты можешь чувствовать себя польщенным...»

Я всегда пишу очень медленно, поэтому на эту запись уходит масса времени. К тому же, уверена, большинство слов написаны неверно, но я сказала ему то, что хотела. Это больше, чем я написала за всю свою жизнь.

И мне хорошо.

Хотя и не должно быть: это же не папа, а просто блокнот, и какая-то часть меня считает это занятие слишком утомительным... Но я не буду обращать на это внимания: мне нравится писать ему. Я задумываюсь над идеей Дженны о списке пожеланий. На этот раз она вызывает во мне улыбку, и я добавляю еще одну строку:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.